

ПРИГОВОРИ СЕБЯ К ДОБРУ

Инна Богачинская с успехом выступает на литературных вечерах в Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне. Ей присуждают звание Поэта года. Ее стихи печатают газеты «Мир». Но ведь это все там — в Америке. Андрей Вознесенский назвал Инну «значимой поэтической фигурой русского зарубежья». Но те, кому не суждено доехать до «книгопечатни», кто живет и читает стихи в Москве, Воронеже или Омске, по-прежнему не знают этого чистого имени.

Я случайно познакомилась с Богачинской во время командировки, потом узнала ближе, читала и перечитывала ее стихи. И теперь, получая редкие письма Инны, все острее ощущаю малую ее известность нашему читателю как свою личную вину, как нашу общую потерю и очевидную несправедливость судьбы...

МНЕ кажется порой, что Инна Богачинская сама выбрала себе имя — как судьбу быть иной, жить иначе, не по общим правилам. Больше всего, пожалуй, дорожит она правом на непохожесть, своеобразность мысли, слова, поведения и даже манеры одеваться.

В ней угадывается сиротство, незащищенность перед чужой бесконтактностью (тем более подлостью), и дело не в хрупкой внешности, которую неизменно подчеркивают все пишущие или говорящие о ней. Просто добрая, наверное, всегда ранами, ибо не заботится о броне — у нее, доброты, есть другие заботы. Вопреки собственной очевидной хрупкости Инна установила для себя очень высокую планку жизни по правде — и не снижает ее ни при каких обстоятельствах. Впринципе эта высота доступна каждому — ведь она определяется совестью. Но далеко не все дают себе труд дотянуться до планки, еще меньше тех, кому удается удержаться на взятой однажды высоте. Инна держится, часто платя за высоту нервами, неприкаянностью, одиночеством — и не сожалея о плате:

...Живи, хватая дни,
Как ветки,
Пока они горят в цвету.
Живи не по наветам
ветхим.

Живи, как башня,
На виду
У обезличенных убожеств,
Над самой пропастью во ржи.
Суди себя как можно строже
И от ударов не дрожи.

Живи, как молния, играя
В свою опасную игру.
Дешевому не внемли раю.
Приговори себя к добру.
Кажется, что она всегда зябнет — то ли от холода, то ли от ожидания очередной обиды. Что-то в ней есть от подранка, которому гордость не позволяет приоткрыть свою боль и муку. В обещании с ней вечно боишься неаккуратного, ранящего слова. Потому что точно знаешь — на ткани ее души обязательно останется болезненный шов. Эта тонкая ткань и без того вся в порезах, но не рвется, бьется на ветру жизни, мокнет от слез — и вопреки всему становится только прочнее. Когда-то Инна сказала, что не боится больше отчаяния, ибо научилась жить в ладу с собой. И я позавидовала ее силе. И поняла, что она — счастливый человек, хотя счастье ее — горчит. Ну а боль... Коль душа болит — значит живи.

В декабре 88-го мы много дней подряд глотали слезы, смотря в благополучном Нью-Йорке кадры землетрясения из Армении. Это сейчас она стала называться «ближним зарубежьем». А тогда мы плакали над бедой, которая случилась именно в нашем доме. Инна позвонила и сказала: «Я не могу спать. Мне снится, что меня засыпало под обломками, что не-

чем дышать...» Еще через несколько дней появились стихи «Спазмы Земли»:

Что с тобою, Земля?
Что в тебе неземно
надломилось?
И зачем, как подросток,
Ты встала опять на дыбы?
Чтоб себя утвердить,
Иль снискать поднебесную
милость,
Наконец-то решив,
Что надежнее: быть
иль не быть...
Это спазмы Земли.
Ее горести. Просьбы. Обиды.
Взбунтовались на нас,
И в припадке ее затрясло.
Сколько жизней порвет!
Сколько скорчится судеб
разбитых!

...Замолкает в руинах
Замурованный монолог...

УВы, я не знаю, что снится
ей сегодня, — ведь мы теперь живем по разные стороны
океана. Но боюсь, что сны эти
бездадсты. Потому что «спазмы» земли — и российской, и
«соседской» — не стали менее
мучительны... Вспоминаю наши
разговоры, вернее — мои вопросы, ее ответы.

Одно из ваших эссе начинается фразой: «...Я заглядываю в тебя, моя непроглядная реальность». Отчего «непроглядная», Инна? Оттого ли, что мало в ней света? Или потому, что не предсказуема и необъяснима?

— Она непроглядна, ибо видим мы только поверхность, а не суть вещей. А если бы нам удалось вникнуть в суть, мы бы поняли, насколько мелки, тщетны и не нужны очень многие наши конфликты и чаяния. Мы бы увидели реальность иную, куда более объемную, свободную от всего суетного, наносного. Главное для меня — видеть человека как явление, связанное со всем сущим и на Земле, и во Вселенной. Любая боль, любая злость, любая враждебная мысль не исчезают бесследно, а уходят в космос — и так или иначе возвращаются к людям. Поэтому человек обязан творить добро, обязан очищать от грязи даже мысли свои. На то он и человек, чтобы уметь контролировать себя, уметь освободиться от мишуры.

Наши помыслы канцерогенны.
Перед этим бессилен врач.
Обездущенные манекены
С философии брат и врат.

— Виноват ли человек в собственной серости?

— Конечно, виноват. Она возникает от убожества, от тех же амбиций, от сальериизма. В русской литературной эмиграции, к сожалению, много злобствующих бесталанных людей — злость и талант, действительно, обычно несовместимы по большому счету. Интересно, что те, кто отчаянно ругает все, происходящее сегодня в бывшем Союзе, привезли это мышление отрицания и ругани оттуда. Там, в России, они когда-то ругали все, что происходило здесь, в Америке. Это наследство сталинского воспитания — воспринимать мир только негативно — они при-

везли сюда. Им кажется, что, приехав сюда, они должны сразу «влиться» в эту жизнь и стать американцами. Они перестают носить шапки, переодеваются на левую руку обручальное кольцо, переименовывают на американский манер свои имена. «Вписаться» во что бы то ни стало, забыв о собственном лице.

Рухнешь в небо земным
подсолнухом.
Скошен — в корень.
Раздирают

неприспособленных.

Гордых — гордят.

— Инна, вы давно живете среди американцев. Можно сформулировать ваши ощущения об их системе ценностей, мышлениях?

— Американское мышление отличается от русского. Разность — в самом рождении, в том, что новорожденного человека не пеленают — в прямом смысле этого слова. Он сразу обретает свободу во всем. Здесь с детства две установки: на самостоятельность, независимость ребенка и на положительное восприятие мира. Ведь можно в луже увидеть солнце, а можно — грязь. Так вот, американские родители учат детей видеть солнце в луже. Их во всем поощряют, все им поручают. Они очень рано начинают работать — независимо от достатка в семье. Иногда эта положительная направленность даже раздражает нас, визитится фальшиво — люди все время улучшаются! Они даже в плохом находят какой-то жизненный стимул.

У американцев проявление щедрости и милосердия, как ни странно, не предполагает сопротивления, которое памятно нам по России. Здесь каждый развивает миз своей души, тут не принято говорить о своих бедах. На вечеринке никто не угрожает тебе пить или есть, но это не от недостатка гостеприимства. Просто каждый должен быть вечен в своем поведении. В целом американский оптимизм — чужой для нас, но жить с ним легче.

— Я много думала о природе американского оптимизма. У нас, как у нации, за плечами гораздо больше боли, отчаяния, страха, трагедий. Американской нации не приходилось терять 20, 40 — и так далее — миллионов жизней, и слава Богу! Это не может не оказывать на мышление, на характере. Ну и материальное благополучие — тоже неплохая основа для оптимизма, не правда ли?

— У благополучия есть и оборотная сторона. Например, отношения между стариками и детьми — настоящая американская трагедия. Практически все старики могут существовать независимо от детей, но в результате дети «котодвигают» родителей от себя, они почти всегда живут вдали друг от друга. Я никогда не смогу принять отношений, при которых дети эвоняют родителям на Рожество, в День матери — есть тут такой праздник — и в день рождения. И все, понимаете? Конечно, между ними и конфликтов меньше, так как просто нет точек соприкосновения. Они встречаются для праздничного обеда, съедают вместе традиционную индейку — и разъезжаются на год.

— Как происходило ваше «живание» в американскую действительность?

— Мне всегда везло на людях, но никогда не было льющегося материального достатка. На таможне нас спросили: «У вас же ничего нет, на что вы рассчитываете?» Я ответила: «На свои руки и голову». Нам помогали люди в буквальном смысле с улицы, делились пусть не последним, но всем, чем могли. И память благодарно хранит это. Если же говорить об эмиграции вообще, то, по-моему, это явление противоестественное. Оно возможно только в очень замкнутом и примитивном обществе, где границы человеческого бытия определяются географическими границами. Ведь в сущности наша Земля — это маленький космический корабль во Вселенной. И каждый член экипажа должен иметь право на периодическую смену места жительства. «Охота к перемене мест» — естественная потребность личности. А вынужденность эмиграции часто неизбежно калечит психику человека.

Мы идем у себя,
а ругаем грабителей.
Нашу сущность и сущность
комплекса сновид.

Мы вернемся под занавес
в те же обители.

И усталые.

.бросим пробитый снаряд.

— Что входит для вас сегодня в понятие дома?

— Дом — в моей душе. Люблю Нью-Йорк — это неисчерпаемый город, целая Вселенная, но я в ней не чувствую себя пescинкой. Все плохое отступает. Так же было у меня с Москвой, которую люблю светло и мучительно. Я родилась в Москве, жила на Марсельской, потом родители переехали в Одессу. Но Москва так и осталась самым любимым городом.

— Первая ваша книга — «СТИХИЯ» — появилась в 1983 году. Что вошло во второй сборник под названием «Подтексты»?

— В книге три раздела: «Монолог прошлого» — стихи 1963—1976 годов, «Диалог с будущим» и английские переводы моих же стихов и некоторых других. Есть там и проза. Книга — самое главное. И так хотелось бы, чтобы ее прочли не только в Америке, но и по другую сторону океана.

— О чём вы пишете, склонившись над блокнотом?

Да так. О пустынях.

Что суетно живу,

Что день, что год не тот,

И что Шопен печалит низкой нотой,

И что ромашка поклонилась рву.

Чего хотите вы
от быстро крылой жизни?

Зеленых нив, беспечных поездов.

Билетов в неизвестность,

сгоретых писем.

И — непохожих слов.

Я ВНОВЬ прочла непохожие слова поэта Инны Богачинской. И в очередной раз вздрогнула от обиды и горечи — отчего же мы так расточительны, так не бережем лучшее, что рождено нашей землей! Это неправда, что большое наше Отечество обойдется без любого из своих детей. Не обойдется. Только тогда и выздоровеет, когда научится дорожить каждым, кто хранит в чистоте душу свою. А географические границы тут ни при чем.

Отшвыршил мишуру.
Разбазаряется страсти и строки.

И останется только покорно отчалить на дно.

Но врасплох обожжет:
это музык тронулись, музык тронулись строки,
Как виски сединой...

Светлана СУХАЯ.